

Говорю совершенно искренне — я не искала этой встречи. Случай вложил мне в руки 4-й номер журнала писателей России «Сибирь» за 2019 год, и первое, что вдруг, словно синица, тенькнуло у меня в груди (да простят меня профессиональные литературоведы и критики), была тонкая вязь букв в строках с названием разделов журнала, исполненных с особым, теперь неведомым никому искусством, когда-то, в мою бытность школьницей, прозаически называвшимся «чистописание». Увы, в моем почерке это высокое искусство теперь уже едва заметно, но я не ошибусь, если скажу, что через непослушные еще пальцы, выводящие правильный нажим и красивый наклон, зарождалось в маленьком человеке и правильное чувство любви к букве, к слову, языку. С этого несколько сентиментального «мостика» я и глянула на то, что скрывалось под обложкой «Сибири».

Оказалось — по-сибирски просторно. Но встреча была первой, и я неспешно отправилась вниз по течению, подспудно понимая, что в любой момент могу спрыгнуть на бережок.

Не спрыгнула.

Не знаю, случай ли так распорядился, выстроить журнал как «западню», или редактор мудро сложил книжку, хорошо разбираясь в психологии восприятия читателей. Собственно, мне это теперь уже и неважно. Важно, что ты невольно поддаешься тому внимательному и бережному отношению к русскому слову и литераторам, в разные времена отдававшим ему свои таланты, что и сам становишься бережным и внимательным читателем — чувство в наши дни редкое из-за непрерывного насилия над русским словом на телеэкранах, заменивших нам способность видеть мир своими глазами и говорить о нем собственным языком.

Денис Давыдов, Анна Ахматова, Владимир Солоухин — совсем не новые, давно знакомые нам имена. Новыми стали выходящие из обращения чувства гордости и любви к русскому литературному слову, с какими редакция журнала собрала книжку. И череда иркутских поэтов, и прозаики, вошедшие в журнальную книжку, в большинстве своем мне, не бывавшей в Иркутске, неизвестные, казались мне духовно близкими людьми — по силе любви к родному краю, по глубине чувств, испытываемых русским человеком в век нового распада ценностей, иноплеменного нашествия на нашу культуру через наши же средства массовой информации. Сделать эти имена общеизвестными во всей стране означало бы сделать богаче нашу культуру, но как это сделать в условиях самокупаемости? Талант с тор-

говлей мало совместимы. А Выставки достижений духовной культуры в России теперь уже нет. Но в том и сила «Сибири», что через нее течет в завтра Русский век, наполняя струю жизни новыми именами, стихами, которые легко ложатся на слух и западают в душу. Как у Юрия Аксаментова:

*Спокойно, медленно несет свою волну
Река далекого утраченного детства,
Тумана голубого пелену
Она оставила мне в вечное наследство.
Сквозь этот призрачный голубоватый дым
Я вижу все в неверном освещении,
Отжившее я вижу молодым,
А молодое предаю забвению...
Хочу я быть задумчивой рекой,
Нести счастливых на спине широкой,
Давать уставшим воду и покой
И укрывать их от борьбы жестокой.
Хочу чтоб вечно на моей спине
На легких лодках плавали мужчины,
А женщины бельем стирали мне
С упругих щек мгновенные морщины.*

Я не бывала на Илеме или Ангаре. Не читала прежде Аксаментова, Чулкина или Обухова, но разве это их беда, что так непросто сейчас достучаться из Иркутска, Читы или Якутска до московского или владимирского читателя? Пусть не покажется моя восторженность излишней — она сильнее от сравнения с тем, чем напитывает нас нынешнее телевидение, насаждающее пошлость — как игру ума, безнравственность — как новую мораль, умение себя продать — как образец успеха.

Вот это исходящее от «Сибири» ощущение нравственной чистоты, как я понимаю, и составляет основную ценность журнала. Но придает он и напряжение уму, заставляет вместе с собой бороться за историческую чистоту не только сегодня, но и в нашем прошлом. Я — об удивительном эссе Анатолия Байбородина «Русский обычай». Удивительном потому, что в проходной для нынешней философии теме обычаев на Руси прочертил путь — едва не лестницу — из языческого прошлого моего народа к православной сути нашего прошлого и нынешнего бытия.

Очень затрудняюсь с жанром этого произведения, безусловно, литературного, но и глубоко философского, не вдруг рожденного конъюнктурой сегодняшнего дня, а, видимо, созревавшего годами и напряжением мысли. Что есть традиция русского бытия? Когда и как она сплелась с Православием? Почему и сегодня, в монетизированной жизни русского человека, несмотря на откровенную враждебность духовности, никак не хочет уходить из нашего сознания, а значит и из культуры?

Эссе Байбородина, конечно, не справочник, где на поставленный вопрос даются ответы. Оно — размышление о прошлом, осмысление которого дает нам право утверждать, что мы понимаем, что будет с нами завтра. Автор назвал его очерком о языческом и христианском в народной этике. Но шагнул далеко за очерковую грань, по сути дела, представив читателю широкое исследование проблемы в ее

историографическом, философском и социо-психологическом аспектах. Отсюда и масштабность привлеченного исторического материала, и широкое использование Библии, и острота суждений, свойственная всяким коллизиям борьбы добра со злом, которые без опоры на Христовую Истину всегда остаются неразрешимыми.

Я не буду никого интриговать, но история русского крестьянства, «дикого» и «рабского» в западной или прозападной историографии, расчищенная от плевел под пером Байбородина, становится чище и понятнее разуму. Будь то «жажда Истинного Бога» в русской или иудейской традиции, давно осмысленная философами, но никак не умиряющая тех, кто ждал торжества и благоденствия Израиля «сразу по приходе» мессии, с теми, кто жаждал благоденствия на небеси...

Одним словом, закрывая журнальную книжку, познакомившись с публицистикой и критикой, Книжной лавкой и новостями Иркутского дома литераторов, я с удивлением думала о том, как хорошо, что еще не кончен Русский век, что так сразу отзывается душа на Слово.

Нимало не сомневаюсь в том, что не только моя, но и каждая душа, которая познакомится с «Сибирью».

Елена Пустовойтова
Член Союза писателей России
г. Москва